

СЛОЖНОСТЬ КАК АНТРОПОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

П.В. Ополев

ФГБОУ ВО «Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет» «СибАДИ», пр. Мира, д. 5, г. Омск, 644080, Россия.

Мир усложняется, что находит своё подтверждение как в сфере естественного, так и в сфере искусственного. Усложнение можно считать одной из ключевых характеристик процесса развития, а сложность – показателем отличия одной ступени развития от другой. Однако если объективное усложнение материально-технической культуры человечества видится очевидным, то правомерность утверждений об усложнении духовной культуры требует обсуждения. Научно-технический прогресс обнаруживает ряд патологических процессов усложнения. Человек оказывается в сложном социокультурном пространстве, в мире саморазвивающихся системных объектов, ускоряющемся потоке слабо осмысленных инноваций.

Исходной интуицией данной статьи является утверждение, что человек переживает сложность на всём протяжении своего социокультурного развития. В работе представлена трансформация антропологической и культурной сложности в исторической перспективе. Предлагается осмысление антропологических характеристик феномена сложности, а также особенностей её разворачивания в культуре. Осмысляются вопросы, связанные с поиском антропокультурной природы сложности и гуманитарной стратегии её осмысления. Культура обнаруживает тенденцию усложнения, которая нелинейно коррелирует со сложностью человеческого сознания. Первобытное искусство и сложность ритуальных практик свидетельствуют о недооценённом уровне когнитивной сложности первобытного человека. Развитие философии и теистических религий существенно усложняет духовную жизнь человека. Индустриальная цивилизация переживает значимый виток социального усложнения, актуализируя практики управления сложностью. Повсеместное усложнение хозяйственной жизни, умножение числа переходных идентичностей, культурных форм, тенденции глобализации и межкультурной интеграции свидетельствуют о том, что постиндустриальное общество, с одной стороны, является результатом рекурсивно возрастающей сложности, а, с другой стороны, обнаруживает сложность качественно иного порядка.

Ключевые слова: коэволюция, прогресс, простота, регресс, сложность, усложнение, философия, философия культуры, философская антропология.

Современная цивилизация является воплощением тенденции «взрывного» роста сложности. Долгое время человечество пребывало в уверенности, что проблемы настоящего и гипотетически возможного будущего можно разрешить с помощью науки, а развитие цивилизации представляет собой постепенный процесс перехода от простого к сложному. В качестве ключевого фактора прогресса рассматривались преимущественно естественные и технические науки, которые воплощали могущество человеческого разума, подчёркивали самоценность прогрессивного развития. Мировая культура оказывалась ориентированной на экспансию, рост производства, добычи и потребления. Вклад гуманитарных наук в сложность современной цивилизации, в прогрессивное развитие человечества не виделся равнозначным с естествознанием.

Вместе с тем освоение человеком субъективной сложности собственного сознания (к примеру, в рамках искусства, религии и философии) и объективной сложности природы происходило не только (и даже не столько) в отдельных науках, сколько в специализированных формах культуры, что внесло существенный вклад в развитие цивилизации и раскрытие потенциальных способностей человека. Данная работа призвана актуализировать антропологическую проблематику, обратить внимание на роль сложности и место человека в процессах культурного усложнения.

Идея прогресса воплощает эпистему модернизма, позволяет констатировать успехи в овладении природой, закрепить различия между историко-культурными этапами, фиксировать образ потребного будущего, воплощающего социальные и гуманистические идеалы. Тем не менее, научно-технический прогресс сам стал источником проблем, которые приобрели глобальный характер. Такого рода тенденции стимулировали философскую рефлексию и поиск новых стратегий отношения человека с действительностью.

Модель «тяжёлой современности» в духе фордизма (общество как «мегама-

шина», завод, подчиняющийся строгому распорядку), образов антиутопий, рисующих перед нами образы неототалитаризма «большого брата» (Д. Оруэлл), вытесняется образами «текущей современности» (З. Бауман) и «общества риска» (У. Бек). Противоречивые оценки научно-технического прогресса, будущего развития цивилизации также нашли своё отражение в разнообразных концепциях «конца истории», «нового средневековья».

В настоящее время научно-технический прогресс обнаруживает ряд патологических процессов усложнения, в которые оказывается вовлечённым человек. «Неуправляемое нарастание сложности» (Ж.Ф. Лиотар), «вызовы сложности» (Э. Морен), образы «удушающей сложности современной жизни» (Э. Тоффлер) и «убегающего сложного мира» (Э. Гидденс) – таковы метафоры, которые используются для описания современности. Усложнение приобретает характер социотехноэволюции, раскрывает себя не только как неотъемлемое свойство материальной действительности (рефлексируемое в рамках «наук о сложном»), но и как антропокультурный феномен. Эти процессы требуют рефлексии антропологических характеристик феномена сложности, а также особенностей её разворачивания в культуре. В настоящее время необходимо наметить границы гуманитарной теории сложности, обозначить объективные характеристики сложности и её субъективного усвоения в рамках антропокультурной действительности.

Современный человек обнаруживает себя в сложном социокультурном пространстве, в мире системных объектов, которые не только проявляют самостоятельное бытие, но и демонстрируют некоторые свойства субъекта. Объекты современной культуры проявляют свойства аутопоэзиса, рекурсивно возрастающей сложности. Уплотнение социокультурной среды, сопровождающееся пролиферацией информационно-знакового пространства и возрастающие скорости социальных трансформаций («дромокра-

тия» П. Верилио) не дают возможности человеку усвоить такого рода изменения. Стремление к «безудержным» инновациям приобретает патологический характер. Культура буквально не успевает усваивать происходящие изменения. Ускоряющаяся модернизация существенно влияет на способность культуры сохранять и воспроизводить саму себя.

Желание форсировать культурное усложнение оборачивается противоположными тенденциями. Попыткой адаптироваться к происходящим трансформациям становятся тенденции упрощения культурных и социальных практик, которые могут быть выражены в разнородных процессах анклавиации, архаизации, стандартизации, маргинализации, гибридации. Данные процессы охватывают ключевые общественные подсистемы, порождая причудливые культурные практики. Как справедливо подмечает Н.Н. Зарубина, «в упрощении социальных практик в форме архаизации проявляется нелинейная социокультурная динамика сложного социума, включающего не только развитие, но и попятные движения» [Зарубина, 2012: 44].

Острое переживание социального усложнения не является чем-то новым для человечества, повсеместно сопровождая его на этапах развития цивилизаций. Мысль А.Я. Гуревича, посвящённая трансформациям позднего средневековья, не утрачивает своей актуальности и в настоящее время. По его словам, происходит «усложнение структуры общества, создание социальной ситуации, при которой индивид включён в целый ряд несовпадающих групп, строящихся на разных принципах». Вместе с распадом традиционных микросоциумов, которые ранее образовывали своего рода устойчивые психологические единства, всё это вело к тому, что личность оказывалась предоставленной самой себе, ощущала свои обособленность и одиночество» [Гуревич, 2005: 299].

Другое дело, что описанные выше процессы приобретают катастрофический характер и связаны с проявлением сложности качественно иной природы.

По мысли Е.В. Николаевой, «хаос культуры и социума начинает осознаваться не в виде случайных топологических и смысловых конфигураций, но в виде систем, упорядоченных на более высоких уровнях сложности» [Николаева, 2014: 118].

Отвлекаясь от историографических проблем экспликации характеристик сложности, заметим, что «сложность» является общеупотребительным, но при этом слабо изученным понятием. Сложность затрагивает множество проблем, служит своего рода «мостиком» для актуализации и проблематизации целого ряда философских вопросов, особенно актуальных в настоящее время. Мы говорим: «эта проблема сложна», «этот вопрос сложен», пытаясь сфокусировать своё познание на объекте и обнаруживая многообразие и неопределённость, порождённую как сложностью самого объекта, так и сложностью своего собственного сознания. Сложными могут быть природа, общество, культура, человек, мышление, вопрос и сам творческий процесс. В конце концов, сам язык скрывает в себе едва осознаваемую сложность, с которой мы сталкиваемся, когда пытаемся его освоить.

Не будет преувеличением утверждать, что облик современности фундируется представлениями о сложности или, как её ещё называет ряд авторов, «сложности» (В.А. Аршинов, Е.Н. Князева и т.д.). Следует заметить, что сложности ни в науке, ни в философии продолжительное время не уделялось достаточного внимания. Сложность оттеняла онтологическое многообразие, выступала в роли эпифеномена для описания ситуации гносеологической неопределённости и т.д. В научной картине мира долгое время основной приоритет занимала простота, стремление к которой закрепилось в известном методологическом принципе, называемом «бритва Оккама». С некоторыми оговорками можно сказать, что открытие в науке самостоятельной сущности, которая называется «сложный объект», приходится только на вторую половину XX века. Основой «сложностного» подхода к действитель-

ности стали «науки о сложном», ядром которых принято считать синергетику.

Человек является одной из вечных проблем религиозного, философского, а затем и научного знания. Этот интерес человека к самому себе вполне объясним, так же, как и первые попытки концептуально обозначить границы человеческого бытия, снять противопоставление между «сложным» многообразием человеческих проявлений и потребностью найти «простое», общезначимое выражение его сущности. Философская антропология исходит из сложности человека, что подчёркивается многообразием философских концепций человека. Однако сложность как антропологическая проблематика не выступает предметом самостоятельной рефлексии.

В рамках философской антропологии сложились (как и в науках вообще) разнообразные стратегии «упрощения» человека, попытки свести многообразие его проявлений к какой-то простой сущности. При всей своей «сложности», философская и научная традиция склонны выводить природу человека (пускай даже на уровне метафоры) из какого-то единого, элементарного основания:

- «человек разумный»;
- «политическое животное»;
- «мыслящий тростник»;
- «человек играющий»;
- «человек символический»;
- «человек смеющийся» и т.д.

Следует заметить, что человечество на всём протяжении своего развития «практиковало» сложность как в её объективном (сталкиваясь со сложностью природы), так и в субъективном проявлении (сталкиваясь со сложностью собственного сознания). Практики сложности сопровождают всю историю человечества. В конце концов сама наука является результатом усложнения познавательного аппарата человека. Если концептуализация сложности в науке произошла во второй половине XX века (сложность становится определяющим вектором развития целого ряда естественных наук и междисциплинарных направлений), то культура и человек

«переживали» сложность на всём протяжении своего существования.

История человеческой культуры является демонстрацией возвратно-поступательных процессов усложнения, когда по мере роста системной сложности происходит упрощение (или отрицание) культурных практик, трансформация специализированных форм культуры. Эти процессы имели объективный характер, но усваивались субъектами посредством определённого набора социальных и культурных практик. Как отмечает А.Я. Флиер, «в каждую эпоху доминировали особые сферы социальной практики, детерминировавшие общественное сознание, использовались разные модели понимания сложности мира и соответственно порождались разные системы культурных смыслов и понятий, отражающих это миропонимание» [Флиер, 2014: 126-127].

Как сложность проявляет себя в рамках антропологической проблематики? Когда же человек встречается со сложностью, и как она стимулирует его развитие? Полагаем, что человек со сложностью в природе и сложностью собственного сознания встречается одновременно. По крайней мере, эти события вряд ли получится разделить. На физиологическом уровне (по данным современной эволюционной эпистемологии) человеку присущ определённый уровень когнитивной сложности. Наши познавательные способности «подогнаны», изоморфны окружающей нас действительности, а «биологически обусловленные когнитивные структуры соответствуют окружающему миру» [Фольмер, 2012: 239].

Сложность человеческого тела, на первый взгляд, не является уникальной и не несёт принципиальных отличий (за исключением разве что мозга) от других животных. Следует заметить, что человеческое тело не специализированно на единственном виде деятельности и потенциально пригодно для её многих видов. Можно было бы сказать, что человеческое тело оказывается пригодно для создания орудий, но и в этом нет уникальной, специфической человеческой

черты. Многие животные демонстрируют куда более сложные «изобретения» и приёмы деятельности, чем, скажем, первобытный человек.

Мы разделяем мысль Л. Мемфорда о том, что «в изготовлении орудий труда не было исключительно человеческого до тех пор, пока оно не оказалось модифицированным языковыми символами, эстетическим замыслом и знаниями, передававшимися социальным путём» [Мемфорд, 2001:11]. В работе «Миф машины. Техника и развитие человечества» Л. Мемфорд неоднократно подчёркивал, что членораздельная речь, язык является куда более важным и сложным видом деятельности, который был доступен человечеству. По его словам, «разговорный язык на заре цивилизации был куда более сложным и мудрёным, нежели весь египетский или месопотамский «набор» инструментов» [Мемфорд, 2001:16].

Полагаем, что наиболее знакомой нам сложной идеальной системой является наше собственное сознание. В психологии существуют понятия «когнитивной простоты» и «когнитивной сложности», которые характеризуют сознание субъекта и фиксируют степень его дифференцированности, способность к фиксации разнообразных сторон действительности, её эмоционального переживания. Мы полагаем, что любой опыт есть знакомство с многообразием (действительности и собственных переживаний), а значит, и с объективной сложностью.

Субъективная сложность связана с необходимостью ориентации в пространстве собственного опыта. Простое и понятное слабо запечатлевается в нашем сознании. Повседневное, раз за разом повторяющееся событие или действие плохо запечатлевается в нашей памяти. Столкновение же с разнообразными формами проявления сложности – объективного многообразия и его субъективной оценки, – способствует разнообразию нашего опыта. Индивидуальный опыт сложности оказывается приобщением к теоретической сложности, снятой в культурно-историческом опыте [Ополе, 2017:191-195].

Первый не теоретический отклик человеческого мышления на сложность окружающего бытия мы обнаруживаем в рамках первобытного сознания. Переживание сложности предшествует сознательному принятию индивидом каких-либо теоретических установок. Мифологическое сознание первобытного человека традиционно характеризуется в качестве синкретического. Как отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс, «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь ещё непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится и к духовному производству» [Маркс, Энгельс 1966:29-30].

С этим можно согласиться только отчасти. Обнаруживая сложность природы, человек обогащал представления о собственной сложности, расширяя возможности для смыслопорождения. Как замечает Л. Мемфорд, «первейшей заботой человека было вовсе не покорение природы или изменение окружающего мира, а овладение собственной чрезмерно развитой и необычайно активной нервной системой» [Мемфорд, 2001:27]. Следует заключить, что человеку оказывается присущ определённый уровень дифференцированности сознания – когнитивной сложности. Этапы «овладения» собственной сложностью разворачиваются на всём протяжении историко-культурного развития человека.

Понятие «первобытный» иногда определяют как примитивный, простейший. Долгое время безусловное превосходство современной цивилизации в уровне развития связывалась со сложностью материальных инструментов. Совершенствование орудий видится как признак усложняющейся культуры. Вместе с тем обнаружение первобытного искусства (например, изображений в пещере Альтамира) наталкивают на мысль о недооценённом уровне сложности первобыт-

ной культуры, которая оказывается не выводимой из сложности используемых инструментов. Многообразие первобытной культуры вырастает из многообразия человеческого сознания, степени его психоэмоциональной сложности, что находит своё выражение в мифологических и ритуальных практиках.

Низкий уровень системной сложности первобытной культуры компенсировался сложностью её специализированных форм. Мы не согласны с А.Я. Флиером, что «главным способом объяснения сложности мира было уподобление сложного и непостижимого простому и непосредственно наблюдаемому» [Флиер, 2014:126-127]. Для первобытного сознания характерно переживание в вещах «иного», того, что скрыто от непосредственного наблюдения, но существует в рамках сознания. Это «иное», с одной стороны, имеет объективное основание (то есть, оно в чём-то локализовано), а, с другой – существует в сознании человека. «Иное» не представляет собой теоретический концепт, однако оно психологически и онтологически усложняет бытие человека, требует от человека учитывать то, что выходит за границы его непосредственного восприятия.

Как замечает Е. Гомбрих, «примитивные или первобытные народы не знают различия между постройкой и изображением в отношении их полезности: хижины должны укрывать от дождя, ветра, солнечных лучей, а изображения должны защищать людей от иных сил, в их сознании не менее реальных, чем силы природы» [Гомбрих, 2012: 39]. Именно к «иному» оказываются обращёнными ритуальные практики. Кроме того, сами мифоритуальные практики имеют высокий уровень сложности, который превосходит сложность используемых орудий труда, что свидетельствует о высоком уровне дифференцированности, сложности сознания первобытного человека.

Религиозное сознание аграрной эпохи сложность действительности выражает в её делении на профанную и сакральную. При этом в данный период наметилась тенденция трансформации

представлений о сложности, связанная с формированием «логосной культуры». Логос представляет собой организующее начало, упорядочивающее первобытный хаос, снимающее сложность действительности через указание на всеобщую, но скрытую необходимость. Логос даёт стабильную «опору» в бытии, уверенность в том, что за всё видимым многообразием скрывается всеобщее упорядочивающее начало. Развитие философии и теистических религий сместило акцент с многообразия и сложности природы на сложность и многообразие отношений человека с этим «началом», что существенно усложнило духовную жизнь человека. Эти процессы нашли своё отражение в известном разнообразии метафизических систем в философии и культовой системы в христианстве. Как проблемы метафизики, так и теологические проблемы свидетельствовали об усложнении отношений человека с действительностью.

Сложность человека смещается в сторону усложнения его духовного мира. В средневековой литературе оформляется соответствующий жанр исповеди, который можно рассматривать как своего рода эволюцию автобиографии. Исповедь предполагает осмысление не только внешней канвы своей жизни, но и оценку своих внутренних состояний. Формируется тенденция к самоуглублению индивида и рефлексии всего многообразия отношений с действительностью посредством самоанализа, интроспекции. Формируется соответствующий инструментарий, позволяющий «препарировать» действительность в соответствии с определённым набором принципов. В философии ярким примером такого рода инструментария становится логика, позволяющая дробить действительность на аналитические единицы в соответствии с ключевыми формами мышления.

Человек и культура индустриальной эпохи столкнулись с нарастающим темпом научно-технического прогресса и социальных преобразований. Если рыцарь жил в замке в окружении ограниченного

круга лиц (своей семьи и слуг), ведя достаточно монотонную жизнь, то пестрота, плотность социального состава города требовали от человека включения в сложное пространство социальных связей. Однако, несмотря на социальное усложнение в рамках индустриальной эпохи, утверждается простота мироустройства, что находит своё отражение в рамках программы классической научной рациональности.

В рамках данного периода мы наблюдаем следующий этап трансформации логоса, связанный с переходом от логики к логистике. На первый план выходит личная активность, соперничество, заинтересованность в успехе своей деятельности, что нашло своё выражение в «духе капитализма», который особое внимание уделяет эффективности, целесообразности и оптимальности. Законы природы мыслятся по аналогии с законами организации и управления. «Фордизм», разного рода методологии научного управления вполне могут быть отнесены к проявлению логистического начала в культуре. Если логика универсальна, то логистика имеет узкую направленность.

Можно сказать, что логистика – это своеобразная логика управления сложностью, обращённой к конкретным ситуациям. Цель логистики – упорядочивание, оптимизация конкретных материальных потоков (финансовых, информационных, сервисных потоков и т.д.) для достижения прагматического эффекта (чаще всего экономического). В рамках логистики всякая деятельность может рассматриваться как организующая или дезорганизующая, упрощающая или усложняющая. Это значит, что человеческую деятельность (техническую, общественную, познавательную, художественную и т.д.) можно рассматривать как опыт организации сложности [Ополев, 2015:19].

В данный период также получают широкое распространение модели «технического упрощения» человека, аналогии между человеком и продуктами его деятельности. На первый план выходит

«механистический» подход к сложности человека, общества и культуры. Если в XVII-XVIII вв. человек сравнивает себя с часами, то в XIX веке – уже с паровой машиной. Человек XX века сравнивал себя с кибернетическими системами и электронно-вычислительными машинами. Механистические метафоры распространялись не только на целого человека, но и на отдельные его органы («сердце - пламенный мотор» и т.д.).

Трансформация представлений о сложности оказывается связанной и с «революцией» в медийном пространстве. Как подмечает А.Я. Флиер, «в индустриальную эпоху с её нарастающей всеобщей грамотностью основной «фабрикой» по производству смыслов культуры стала художественная литература» [Флиер, 2014:131]. Именно в рамках пространства текста художественной литературы усваивается сложность и многообразии жизненных коллизий, в которых объективные социально-экономические проблемы (к примеру, социальное неравенство) получают субъективную, личностно-эмоциональную оценку и осмысление. Литература становится одновременно выражением, рефлексией социокультурной сложности и средством её преодоления. В целом, перевод звука в визуальную форму посредством создания фонетического алфавита и последующего изобретения книгопечатания внесли существенные изменения в характер коммуникации и в способы переживания человеком не только внешней действительности, но и себя самого. Культура становится гомогенным пространством текста, подчинённым логике его построения.

Повсеместное усложнение хозяйственной жизни, умножение числа переходных идентичностей, культурных форм, тенденции глобализации и межкультурной интеграции свидетельствуют о том, что современность, с одной стороны, является результатом усложнения, а, с другой стороны, обнаруживает сложность качественно иного порядка. Постиндустриальное общество характеризуется переосмыслением ожиданий от

научно-технического прогресса, процессами глобализации, ускорением социальных преобразований и усилением роли медиа. Культура посредством диверсификации увеличивает свою сложность. Вещное многообразие, усложнение знаково-символического пространства существуют на фоне виртуализации социальных и культурных практик и сегментации человеческого сознания.

Сознание такого рода активно реализует себя в потреблении, поскольку именно потребление позволяет снять хроническую тревогу, порождённую социокультурной сложностью. Удовлетворение личных потребительских потребностей, установка на индивидуальное благополучие становится ориентиром для современной культуры. Консюмеризм оказывается «погоней» за простотой, которая «упакована» в настоящее и существует в форме отдельных переживаний. Современный социолог Г. Шульце такого рода общество назвал «обществом переживаний».

В рамках постнеклассической науки происходит концептуализация понятия сложности. В самых разных науках (как естественных, так и социально-гуманитарных) обсуждают так называемый «поворот к сложности». Общество «третьей волны» (Э. Тоффлер) оказывается погружено в переживание концептуально оформленных представлений о системной сложности (что нашло выражение в комплексе «наук о сложном»). Это ставит ряд насущных вопросов в сфере управления и контроля. Обратной стороной этих процессов становится «изживание» антропокультурной сложности. Можно сказать, что упрощение духовного мира человека, «опрощение» культуры оборачивается повышенным интересом к сложности природы.

С одной стороны, сложность, обнаруженная в природе и рефлекслируемая в рамках постнеклассической науки, стимулировала изменения представлений о действительности. С другой стороны, происходит «потеря» гуманитарной проблематики, а попытка свести сложность культуры и человека к проблеме орга-

низованных множеств оборачивается операционализацией природы человека. Не случайно, что ряд исследователей фундамент нелинейной культурной парадигмы усматривает в достижениях компьютеринга, развитии электронных вычислительных машин (А.М. Леонов, В.П. Казарян). Современность описывается метафорами потока информации, информационной сети, коллажа, мозаики, где сосуществует множество фрагментов, которые, тем не менее, плохо складываются в единое целое.

Современный человек всё больше ощущает себя в качестве придатка системных структур, которые сам и порождает, обрекая себя на «блуждание» в пространстве сложных системных объектов и цифровых ландшафтов, которые они могут порождать. «Цифровой нондизм» как нельзя лучше характеризует существование современного человека в пространстве Интернета. В результате бытие человека ещё в большей степени начинает определяться создаваемой им же самим реальностью. Как справедливо подметил К. Майнцер, «рациональность человеческого решения оказывается ограниченной дикой случайностью рынков. Человеческие когнитивные способности ошеломлены сложностью нелинейных систем, которыми они вынуждены управлять» [Майнцер, 2010: 94].

Сложность как антропокультурный феномен требует обстоятельной рефлексии. Современность демонстрирует «лавинообразное» усложнение. Проблема сложности в культуре имеет междисциплинарную природу, что вряд ли позволит в полной мере избежать метафор и эклектизма в её познании. К сожалению, мы пока не имеем общезначимого метода познания сложности. Системный подход хоть и является важным для понимания природы сложности, но явно недостаточен.

Подводя итоги, сделаем ряд промежуточных выводов. Роль сложности в современной культуре недооценена. Сложность по-прежнему выступает в виде побочного явления, эпифеномена глобальных социокультурных трансформа-

ций. Вместе с тем осознание «сложностной» природы происходящих изменений способствует более глубокому пониманию отношений человека с антропокультурной действительностью. Обнаружение сложности не является результатом развития электронно-вычислительных машин и последствием изучения сложных саморазвивающихся систем. Мы полагаем, что человек сталкивается со сложностью значительно раньше. Человек издавна «практикует» сложность в мифоритуальных практиках, искусстве и коммуникации. Открытия и достижения науки XX века способствуют концептуализации понятия «сложный объект», обнаружению системных характеристик сложности, которые легли в основание постнеклассической науки.

Культура обнаруживает тенденцию усложнения, которая нелинейно коррелирует со сложностью человеческого сознания. Материальная сложность первобытной культуры менее очевидна, чем сложность культуры индустриальной. Однако многообразие первобытного искусства и сложность мифоритуальных практик свидетельствуют о достаточно высоком уровне когнитивной сложности и многообразии переживаемых человеком психоэмоциональных состояний. Развитие философии и теистических религий способствовало дифференциации сознания и действительности, что существенно усложнило духовную жизнь человека и стимулировало многообразие философских и религиозных систем. Индустриальная цивилизация переживает значимый виток социального усложнения, но стремится к построению простой картины мира, на первый план выдвигает «механистическую» сложность культуры.

Постиндустриальное общество уделяет сложности значительно больше внимания. Пролиферация медийного пространства усиливает социальную и культурную фрагментацию. Культурное бытие современного человека атомизируется, распадается на множество отдельных, не связанных друг с другом субъективных переживаний. Подобно-

го рода стремление приводит к тому, что человек «утопает» в сложности – в мелочах, нюансах, ненужных подробностях и субъективных мнениях. Информационный шум, состоящий из обрывков информации и их недостоверной интерпретации, не оставляет шанса на объективную картину мира.

В философии рефлексией такого рода трансформаций становится постмодернизм, а в науке – комплекс «наук о сложном», включающий в себя многообразные концепции синергетического типа. Однако «языковые игры» постмодернизма, выбранные в качестве ключевой методологической программы, не способствуют снятию антропокультурной сложности, а, скорее, напротив, усиливают сложность семиотического пространства. Призыв отказаться от метанарративов усиливает ценностный плюрализм, а деконструкция разрушает представления об устойчивом и общезначимом бытии. «Науки о сложном» заостряют внимание на системных характеристиках сложности, пытаются найти стратегии управления сложностью, наметить контуры коэволюционного мышления, в которых, по мысли О.Е. Баксанского, «преодолевается ограниченность социологизма и историзма, которая связана с отрицанием роли биолого-антропологических факторов в социокультурной эволюции» [Баксанский, 2013: 1312].

Тем не менее, системная сложность, изучаемая в рамках «наук о сложном», является хоть и важным аспектом социокультурных трансформаций, но опирается не на действительность во всём её разнообразии, а на её отдельные системные свойства. Полагаем, что выводить культурное многообразие из системных свойств культуры значит существенно обеднять наши представления о ней. В настоящее время по-прежнему требуется построение гуманитарной теории сложности, которая бы вырабатывала новые стратегии отношения человека с действительностью и учитывала многообразие проявлений сложной природы человека.

Список литературы:

- Баксанский О.Е. Козволюционное мышление в контексте конвергентных технологий: от биологии к культуре // *Философия и культура*. 2013. 9(69). С. 1307-1313.
- Гомбрих Е. История искусства. М.: Искусство-XXI, 2013. 688 с.
- Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. 424 с.
- Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности // *Историческая психология и социология истории*. 2013. №2. С. 29-45.
- Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке // *Вопросы философии*. 2010. №10. С. 84-98.
- Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М., 1966. 328 с.
- Мемфорд Л. Миф машины. Техника развития человечества. М.: Логос, 2001. 408 с.
- Николаева Е.В. От ризомы и складки к фракталу // *Вестник северного (арктического) федерального университета*. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2014. №2. С. 114-120.
- Ополев П.В. В поисках субъективной сложности: от логоса к логеме // *Вестник омского государственного педагогического университета*. Гуманитарные исследования. 2015. №4 (8). С. 17-21.
- Ополев П.В. Сложность как инвариантная структура жизненного мира [Электронный ресурс] // *Визуальные образы современной культуры: светские и религиозные стратегии построения жизненного мира: сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 9–10 июня 2017 г.) / редкол.: П. Л. Зайцев (отв. ред.) и др. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2017. URL: <http://www.omsu.ru/science/materialy-konferentsiy/2017/> (дата обращения: 18.02.2019).*
- Флиер А.Я. Смыслорождающие функции культуры: историческая эволюция // *Личность. Культура. Общество*. 2014. Т. XVI. № 1-2. С. 126-140.
- Фольмер Г. По разные стороны мезокосма // *Эволюционная эпистемология*. Антология / Научный редактор, сост. Е.Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 225-250.

Об авторе:

Ополев Павел Валерьевич – к.филос.н., доцент Кафедры философии ФГБОУ ВО «Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ)». Проспект Мира, д. 5, г. Омск, Россия, 644080. Научная специализация: «философия культуры», «философская антропология». E-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru.

THE COMPLEXITY AS ANTHROPOCULTURAL PHENOMENON

P.V. Opolev

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «The Siberian State Automobile and Highway University», 5 Mira pr. Omsk, 644080.Russia.

Abstracts. *The world is becoming more complicated, which is confirmed both in the natural and artificial spheres. Complication can be considered one of the key characteristics of the development process, and complexity – an indicator of the difference between one stage of development from another. However, if the objective complication of the material and technical culture of mankind seems*

obvious, the legitimacy of the statements about the complication of spiritual culture requires discussion. Scientific and technological progress reveals a number of pathological processes of complication. Man finds himself in a complex socio-cultural space, in the world of self-developing system objects, accelerating the flow of poorly understood innovations. The initial intuition of this article is the statement that a person experiences complexity throughout his socio-cultural development. The paper presents the transformation of anthropological and cultural complexity in historical perspective. It is proposed to understand the anthropological characteristics of the phenomenon of complexity, as well as the peculiarities of its unfolding in culture. Represent a summary of the issues associated with finding antropocentric nature and complexity of the humanitarian strategy for its comprehension. Culture reveals a tendency of complication, which non-linearly correlates with the complexity of human consciousness. Primitive art and the complexity of ritual practices indicate an underestimated level of cognitive complexity of primitive man. The development of philosophy and theistic religions greatly complicates the spiritual life of man. Industrial civilization is experiencing a significant round of social complexity, actualizing the practice of managing complexity. The widespread complexity of economic life, the multiplication of the number of transitional identities, cultural forms, the trend of globalization and intercultural integration indicate that post-industrial society, on the one hand, is the result of recursively increasing complexity, and, on the other hand, reveals the complexity of a qualitatively different order.

Key words: coevolution, progress, simplicity, regression, complexity, complication, philosophy, philosophy of culture, philosophical anthropology, man.

References:

- Baksanskii O.E. Koevoliutsionnoe myshlenie v kontekste konvergentnykh tekhnologii: ot biologii k kul'ture [Coevolutionary thinking in the context of convergent technologies: from biology to culture]. *Filosofia i kul'tura - Philosophy and culture*, 2013, no. 9 (69), pp. 1307-1313 (In Russian).
- Gombrikh E. *Istoriia iskusstva* [History of art]. Moscow, Art-XXI, 2013. 688 p. (In Russian).
- Gurevich A.Ia. *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [Individual and society in the medieval West]. Moscow, «Russian political encyclopedia» (ROSSPEN), 2005. 424 p. (In Russian).
- Zarubina N.N. Uproshchenie massovykh sotsial'nykh praktik kak vektor transformatsii povsednevnosti [Simplification of mass social practices as a vector of transformation of everyday life]. *Istoricheskaia psikhologiya i sotsiologiya istorii - Historical psychology and sociology of history*, 2013, no. 2, pp. 29-45 (In Russian).
- Maintser K. Vyzovy slozhnosti v XXI veke [Challenges of complexity in the twenty-first century]. *Vo-prosy filosofii - Questions of philosophy*, 2010, no. 10, pp. 84-98 (In Russian).
- Marks K., Engel's F. *Feierbakh. Protivopolozhnost' materialisticheskogo i idealisticheskogo vozzrenii* [Feuerbach. The opposite of materialistic and idealistic views]. Moscow, 1966. 328 p. (In Russian).
- Memford L. *Mif mashiny. Tekhnika razvitiia chelovechestva* [The myth of the machine. Technology of human development]. Moscow, Logos, 2001. 408 p. (In Russian).
- Nikolaeva E.V. Ot rizomy i skladki k fraktalu [From rhizomes and folds to fractals]. *Vestnik severnogo (arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: gumanitarnye i sotsial'nye nauki - Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and social Sciences*, 2014, no. 2, pp. 114-120 (In Russian).
- Opolev P.V. V poiskakh sub"ektivnoi slozhnosti: ot logosa k logeme [In search of subjective complexity: from the logos to logeme]. *Vestnik omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia - Bulletin of Omsk state pedagogical University. Humanitarian research*, 2015, no. 4 (8), pp. 17-21 (In Russian).
- Opolev P.V. Slozhnost' kak invariantnaia struktura zhiznennogo mira [Complexity as an invariant structure of the life world]. *Vizual'nye obrazy sovremennoi kul'tury: svetskie i religioznye strategii postroeniia zhiznennogo mira: sbornik nauchnykh statei po materialam VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Omsk, 9–10 iunia 2017 g.)* [Visual images of contemporary culture: Secular and religious strategies for building a vital world: Collection of scientific articles based on VI All-Russian scientific-practical conference (Omsk, 9–10 June 2017)] / ed.: P.L. Zaitsev and others. Omsk, Omsk State University

Publishing House, 2017. Available at: <http://www.omsu.ru/science/materialy-konferentsiy/2017/> (Accessed 18 February 2019) (In Russian).

Flier A.Ia. Smyslopороzhdaiushchie funktsii kul'tury: istoricheskaja evoliutsiia [Meaning-generating functions of culture: historical evolution]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo - Personality. Culture. Society*, 2014, Vol. XVI, no. 1-2, pp. 126-140 (In Russian).

Fol'mer G. Po raznye storony mezokosma [On different sides of the mesocosm]. *Evolitsionnaja epistemologija. Antologija* [Evolutionary epistemology. Anthology] / Scientific editor, comp. E.N. Knyazeva. Moscow, Center for humanitarian initiatives, 2012. pp. 225-250 (In Russian).

About the Author:

Opolev Pavel Valer'evich – associate professor Department of Philosophy, Ph.D. in Philosophical Sciences, Ass. Professor of the Department «Philosophy» Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «The Siberian State Automobile and Highway University» 5 Mira pr. Omsk RUSSIA 644080, Scientific specialization «philosophy of culture», «philosophical anthropology». E-mail: pvo-sinergetica@rambler.ru.